

ПОЛИНА СТЕРХ

Эпоха Пепла и Стали

ЦЕНЗОР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КНИГА 1

Полина Стерх

Цензор Его Величества. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73318533

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире пепла, стали и эфира за каждым словом следят. Виктор – цензор Его Величества, «Пустой», способный гасить магию и ломать чары. Когда в столице начинаются исчезновения и расползается Ржавчина – болезнь, сращивающая плоть и металл, – его отправляют расследовать дело, которое ведёт к тайным лабораториям и закрытому проекту «Икар».

Чем глубже Виктор погружается в дворцовые интриги и подпольные эксперименты, тем яснее: настоящая угроза прячется не на улицах, а в самой системе. И даже пустота имеет цену.

Первая книга цикла «Эпоха пепла и стали».

Содержание

Глава 1. Искусство умирать	4
Глава 2. Архитектура молчания	16
Глава 3. Анатомия тишины	30
Глава 4. Теория сломанных вещей	43
Глава 5. Бал лицемеров	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Полина Стерх

Цензор Его

Величества. Книга 1

Глава 1. Искусство умирать

Дождь над Петербургом шел третьи сутки. Это был не тот благородный ливень, что оmyвает мостовые и приносит свежесть, а мелкая, серая морось, пахнувшая йодом, гарью и мокрой шерстью. Такой дождь не смывал грязь, а лишь размазывал ее ровным слоем по фасадам особняков, делая имперское величие похожим на потекший грим стареющей актрисы.

Князь Виктор Волков поправил воротник тяжелого пальто, сшитого из драконьей кожи, и шагнул из кареты прямо в лужу. Вода, смешанная с машинным маслом, радужной пленкой облепила сапоги. Он поморщился. Не от грязи – к ней он привык, – а от звука.

Дом барона Корфа «пел».

Для обычного человека особняк на Каменном острове выглядел просто заброшенным: темные окна, покосившиеся ворота, плющ, неестественно быстро оплетший кованую ограду. Но Волков слышал другое. Он слышал низ-

кий, утробный гул, от которого вибрировали зубы. Так гудит высоковольтный кабель перед разрывом. Так стонет реальность, когда ее насилуют неумелой, грубой магией.

Виктор захлопнул дверцу экипажа.

– Ждать здесь, – бросил он кучеру, не оборачиваясь.

– Ваше Сиятельство... – голос возницы дрогнул, срываясь на визг. – Лошади бесятся. Эфиром тянет так, что у меня уже кровь носом пошла. Может, отъедем за поворот?

– Отъедешь – не заплачу. Стой и терпи. Это ненадолго.

Виктор проверил револьвер – тяжелый, вороненый «Туляк» калибра 45, переделанный под усиленный патрон. Никаких рун, никаких зачарований. Только сталь, свинец и безупречная механика. В мире, где каждый второй аристократ мог сжечь тебя взглядом или превратить твои легкие в воду, простая физика оставалась самым надежным, хоть и старомодным аргументом.

Он толкнул калитку. Металл под его рукой был теплым и липким, словно живая плоть. Замок не щелкнул, а влажно чавкнул, пропуская гостя внутрь.

Барон Корф был дураком. Богатым, родовитым, но безнадёжным идиотом. Три недели назад Тайная Канцелярия зафиксировала аномальный всплеск фона в его поместье. Корф в отчетах утверждал, что проводит опыты по селекции морозостойких орхидей. Но орхидеи не пожирают слуг. А вчера из особняка сбежала горничная – точнее, то, что от нее осталось. Девушка пробежала три квартала на руках, по-

тому что ее ноги превратились в переплетенные корни дуба. Она умерла в госпитале, успев прошептать лишь одно слово: «Сад».

Виктор поднялся по ступеням. Парадная дверь была распахнута настежь, словно пасть. Из темного провала холла несло сладковатым запахом гниющих лилий и озона. Это был ни с чем не сравнимый смрад «Эфирной ржавчины» – побочного эффекта магии, когда человек пропускает через себя больше силы, чем может выдержать его тело и рассудок.

В холле было тихо. Слишком тихо. Виктор снял шляпу, стряхнул капли и повесил ее на вешалку. Вешалка вздрогнула.

Виктор замер. Он пригляделся к деревянной стойке в углу. Резное красное дерево имело странную, пористую текстуру. Слишком мягкие изгибы. А там, где должны были быть крючки для одежды, торчали скрюченные, лакированные человеческие пальцы.

Вешалка издала тихий, скрипучий всхлип. Глаз у нее не было – они заросли корой, но рот, искривленный в вечном крике, остался. Он был залит мебельным лаком, но губы чуть подрагивали.

– Убей... – едва слышный шелест, похожий на сквозняк.

Виктор медленно выдохнул. За пятнадцать лет службы он видел многое: сгоревшие дотла деревни, мутантов в пограничных Разломах, аристократов, чьи лица стекли в декольте прямо на балу. Но привыкнуть к такому было невозможно.

– Корф? – спросил он у несчастного куска мебели.

– Библиотека... – проскрипел бывший человек, дергая пальцем-крючком. – Он... творит.

Виктор достал из внутреннего кармана тонкий стилет. Обычная милосердная сталь.

– Сейчас станет легче, – тихо сказал он.

Удар был точным и профессиональным. Лезвие вошло туда, где у вешалки должно было быть сердце. Дерево дернулось, судорожно скрипнуло и обмякло, превращаясь в обычный, мертвый дуб. Ощущение чьего-то мучительного присутствия исчезло.

Виктор вытер клинок платком, брезгливо бросил грязную ткань на пол и двинулся к библиотеке. Теперь он не скрывался. Его шаги гулко, по-хозяйски раздавались в пустом коридоре.

По стенам ползла плесень, но не простая, а светящаяся, фосфоресцирующая, пульсирующая в такт невидимому сердцу дома. Портреты предков Корфа были обезображены: масляная краска сползла вниз, превратив лица гордых дворян в скалящиеся черепа.

У высоких дверей библиотеки стояла охрана. Два голема плоти. Корф не пожалел «материала». Это были сшитые из нескольких тел гиганты, грубые, но эффективные. У левого вместо правой руки был грубо приживлен паровой молот, у правого из спины торчали медные трубки, извергающие пар. Их лица были скрыты стальными масками без прорезей –

зрению они предпочитали магическое чутье.

Они среагировали мгновенно. Эфир внутри них взревел, приводя в движение мертвые мышцы.

Левый голем рванул вперед с пугающей скоростью. Паровой молот зашипел, набирая давление, готовясь раздробить Виктору череп. Виктор не побежал. Он даже не поднял револьвер. Он просто сделал шаг навстречу и поднял левую руку ладонью вперед.

– Стоять.

Это не было заклинанием. Это была констатация факта. В тот момент, когда туша голема вошла в зону личного пространства Виктора – сферу радиусом в полтора метра, – случилось неизбежное. Магия умерла.

Эфир, питавший голема, словно наткнулся на глухую бетонную стену. Виктор был «Пустым». В мире, где все пронизано потоками энергии, он был черной дырой, абсолютным изолятором. Любая магическая структура, касаясь его ауры, рассыпалась в прах.

Сложные плетения, оживлявшие мертвую плоть, лопнули беззвучно. Голем, еще секунду назад бывший смертоносной машиной, мгновенно превратился в гору мяса и железа. Инерция протащила его вперед, и он рухнул у ног Виктора грудой гниющих останков. Паровой молот жалобно пшикнул и затих.

Второй голем замер. В его примитивном, созданном магией сознании возник критический сбой. Он видел врага гла-

зами, но не чувствовал его в Эфире. Для магии Виктора не существовало.

Виктор брезгливо перешагнул через кучу мяса и направил револьвер на второго стража.

– Твой создатель забыл простейший закон, – сказал он, взводя курок. Сухой щелчок прозвучал как выстрел. – Плоть без души гниет.

Выстрел разорвал тишину. Тяжелая пуля ударила в смотровую щель маски, пробила мозг (или то, что его заменяло) и вышла с затылка, выбив фонтан черной сукровицы. Второй голем рухнул, как подкошенный.

Виктор перезарядил револьвер одним движением. Щелчок барабана прозвучал как приговор. Он толкнул тяжелые дубовые двери библиотеки.

Барон Корф сидел за огромным письменным столом в центре зала. Точнее, он был частью стола. Зрелище было омерзительным и завораживающим одновременно. Нижняя часть тела барона оплыла, как воск, и срослась с красным деревом столешницы и кресла. Его вены, вздувшиеся и светящиеся ядовито-фиолетовым, переплетались с волокнами древесины, уходя в пол, как корни. Он был уже не человеком, а узлом гигантской магической сети, опутавшей дом.

Вокруг летали книги. Сотни томов кружили под потолком, словно стая испуганных птиц, шелестя страницами. В воздухе висели сияющие глифы формул. Барон пытался переписать реальность, но у него не хватало ни таланта, ни сил,

и реальность мстила ему, искажая его самого.

– Кто посмел? – голос Корфа звучал сразу отовсюду: из стен, из книг, из пола. – Я почти закончил! Я почти вывел формулу Идеального Человека!

Барон поднял голову. Его лицо наполовину покрыла серебристая чешуя «ржавчины». Один глаз был человеческим, безумным и налитым кровью, второй превратился в огромный, грубо огранный рубин.

Виктор спокойно прошел в центр комнаты, хрустя осколками стекла под сапогами.

– Идеальный человек не срастается с мебелью, барон, – сухо заметил он. – Именем Его Императорского Величества, я, цензор Виктор Волков, объявляю вас нарушителем Третьего Эдикта о Чистоте Эфира.

Корф рассмеялся. Смех был похож на скрежет ржавого металла по стеклу.

– Волков? Тот самый щенок из рода предателей? «Пустой» князь? – барон подался вперед, и стол скрипнул. – Ты пришел остановить меня? Я – бог в этих стенах!

Барон вскинул руку. Книги под потолком вспыхнули синим пламенем и, превратившись в огненные снаряды, устремились к Виктору. Это был шквал огня, способный испепелить полк солдат.

Виктор даже не замедлил шаг. Он шел сквозь огонь, как сквозь утренний туман. Пламя, касаясь невидимой сферы вокруг него, просто исчезало. Оно теряло жар, цвет и саму

суть горения, превращаясь в теплый ветерок. Огненные шары распадались на искры и гасли, не долетая до полей его пальто.

Лицо барона исказилось от ужаса. Он видел это впервые. Его всемогущество, его великий Дар, ради которого он пожертвовал душой, разбивались о фигуру в черном пальто, как волны о скалу.

– Нет... Не подходи! – взвизгнул Корф, теряя величие.

Из пола вырвались острые деревянные шипы, пытаясь пронзить Цензора снизу. Но стоило им приблизиться, как дерево становилось трухлявым и рассыпалось в пыль. Виктор был самой Смертью Магии. Антитезисом чуда.

Он подошел к столу вплотную. Барон пытался колдовать, его руки мелькали, плетя сложнейшие «удавки», но они растворялись в воздухе, не успев сформироваться.

– Ты не понимаешь! – закричал Корф, брызгая слюной. – Я нашел способ! Мы можем жить вечно! Без Ржавчины! Мне нужно только еще немного биоматериала...

– Ты убил двенадцать человек, Корф. Своих слуг. Людей, которые тебе доверяли.

– Они были скотом! Сырьем! – взревел барон, ударив кулаком по столу. – А я – творец! Я элита Империи! Ты не имеешь права! Я требую суда пэров!

Виктор остановился напротив стола. Он посмотрел в глаза безумцу. В них не было раскаяния. Только животный страх и непомерная гордыня. Эфир выжег в этом человеке все че-

ловеческое, оставив лишь жажду силы.

– Суда не будет, – тихо сказал Виктор. – Ты болен, барон. А заразных животных пристреливают.

– Не смей! Мой кузен – министр...

Виктор поднял револьвер. Черное дуло уперлось в лоб барона, прямо между человеческим глазом и рубиновым.

– Твой кузен пришлет мне благодарственное письмо за то, что я избавил род Корфов от позора.

– Я проклиная тебя...

Выстрел оборвал проклятие на полуслове. Голова барона дернулась назад. На стене за его спиной расцвел красно-черный цветок. Рубиновый глаз со звоном выпал из глазницы, ударился о столешницу и покатился по полу.

В ту же секунду магия, державшая дом, рухнула. Книжки с грохотом упали на пол, подняв облако пыли. Светящаяся плесень на стенах мгновенно погасла. Стол, с которым сросся барон, с треском раскололся. Тело Корфа начало стремительно сереть и распадаться, превращаясь в кучку пепла и шлака. Эфир покидал разбитый сосуд.

Виктор убрал револьвер в кобуру. В ушах звенело. Он ненавидел эти моменты. Моменты абсолютной тишины после убийства. Ему казалось, что вместе с магией он убивает частичку мира, делая его более серым, скучным и понятным. Таким же, как он сам.

Он достал из кармана бланк «Акта о ликвидации», положил его на край стола, который еще минуту назад был ча-

стью человека, и придавил тяжелым малахитовым пресс-папье. Формальность должна быть соблюдена. Бюрократия – это скелет Империи, и он не позволит ему рассыпаться.

Виктор вышел из библиотеки. Обратный путь казался короче. Трупы големов уже начали источать сладковатый смрад разложения. Дом умирал по-настоящему, и это было даже как-то честнее, чем та псевдожизнь, которую поддерживал в нем барон.

На крыльце он закурил. Папироса «Казбек» – крепкая, горлодерная. Едкий дым смешался с сырым воздухом Петербурга, перебивая запах смерти. Дождь усилился. Карета ждала у ворот. Кучер, бледный как полотно, сидел на козлах, вцепившись в поводья побелевшими пальцами.

– Все, барин? – крикнул он, заведя Виктора.

– Все. Вези в управление.

Но когда Виктор подошел к экипажу, он увидел, что рядом стоит еще одна карета. Черная, лакированная, с гербом в виде двуглавого орла, держащего в лапах молнию и свиток. Именной экипаж Тайной Канцелярии.

Дверца открылась, и из нее выглянул молодой адъютант в синем мундире.

– Князь Волков!

Виктор глубоко затянулся и выдохнул дым в сторону. Он даже не успел отряхнуть грязь с сапог.

– Что случилось, поручик? Граф Бестужев не мог подождать до утра?

– Граф требует вас немедленно, – адъютант был взволнован не на шутку. Его глаза бегали. – И не в Управление.

– А куда?

– В Зимний Шпиль, Ваше Сиятельство.

Виктор замер с папиросой в руке. Пепел упал на мокрый асфальт. Зимний Шпиль. Личная резиденция Императора. Святая святых, куда Цензоров пускали только в двух случаях: либо для награждения, либо для показательной казни. Учитывая репутацию Виктора и его «пустоту», награждать его было решительно не за что.

– Повод? – коротко спросил он.

– Чрезвычайное происшествие государственного масштаба, – адъютант понизил голос до шепота, опасливо оглядываясь на пустой, темный парк. – Код «Черный Эфир».

«Черный Эфир». Это означало смерть члена императорской семьи. Виктор почувствовал, как холодный комок падает в желудок. День перестал быть просто паршивым. Он стал катастрофическим.

Он бросил окуроч в лужу. Огонек шикнул и погас.

– Я поеду с вами, поручик.

Он сел в казенную карету, пахнущую дорогой кожей и страхом. Экипаж тронулся, набирая ход. Колеса застучали по брусчатке, увозя Цензора прочь от мертвого барона навстречу чему-то гораздо более страшному. Виктор смотрел в окно на проплывающие мимо газовые фонари. Их свет расплывался в мокром стекле желтыми, болезненными пятнами.

ми.

«Отец, – подумал он внезапно. – Ты тоже так ехал пятнадцать лет назад. В ту же сторону. И не вернулся».

Город за окном казался огромным спящим зверем. Зверем, который уже проснулся и жаждет крови. И Виктор знал: сегодня ночью кормить этого зверя придется ему.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, наслаждаясь последними минутами покоя. В кармане, возле самого сердца, холодил металл тяжелого револьвера. Единственного друга, который никогда не предаст.

Карета въехала на Дворцовый мост. Впереди, пронзая низкие тучи, сиял огнями Зимний Шпиль – игла, которой Империя пришила небо к земле. И там, на самой вершине, уже закручивалась интрига, способная превратить весь этот мир в горстку пепла.

Глава 2. Архитектура молчания

Зимний Шпиль не был просто зданием. Это была игла, которой Империя сшивала небо и землю, выкачивая из стратосферы чистый, нефильтрованный Эфир.

Когда карета Тайной Канцелярии миновала тройное кольцо оцепления и въехала во внутренний двор, Виктор почувствовал, как волосы на руках встают дыбом. Воздух здесь был наэлектризован до предела. Он гудел, как натянутая басовая струна. Обычный человек в таких условиях начал бы задыхаться через час: концентрация свободного Эфира превышала норму в десятки раз. Но для магов, живущих здесь, это был воздух свободы. Для Виктора же – вкус пепла на языке.

– Выходим, князь.

Голос адъютанта дрожал. Парнишка нервничал не из-за близости дворца, а из-за соседства с Виктором. Для любого одаренного находиться рядом с «Пустым» – все равно что сидеть в ледяной воде. Аура Виктора не просто гасила магию, она вызывала у магов подсознательный, первобытный ужас, словно рядом находился хищник, который питается их сутью.

Виктор вышел под дождь.

Двор был пуст, если не считать гвардейцев Преображенского полка. Они стояли вдоль стен, словно статуи, закован-

ные в «светлую броню» – сплав стали и выбеленной кости левиафанов. Их шлемы были глухими, а в прорезях вместо глаз тлел холодный голубой огонь. Элитная стража, чьи души были привязаны к воле Императора нерушимыми клятвами Крови.

Когда Виктор проходил мимо караула, голубое пламя в глазницах гвардейцев на мгновение тускнело, а броня теряла свой неестественный, перламутровый блеск. Его «пустота» гасила их магический контур. Гвардейцы чуть поворачивали головы, провожая его взглядом, полным немой ненависти. Они чувствовали в нем угрозу. Не человеку, а самой их сути.

– Документы, – прохрипел офицер у парадного входа. Голос был искажен вокодером маски, звуча как скрежет камней.

Адъютант суетливо протянул пергамент с сургучной печатью Канцелярии.

– Личный вызов графа Бестужева. Код доступа «Омега-Ноль».

Офицер провел латной перчаткой над печатью. Руны вспыхнули красным, подтверждая подлинность.

– Проходите. Оружие сдать.

Виктор остановился. Дождь стекал с полей его шляпы.

– Я Цензор, – тихо, но весомо произнес он. – Мое оружие – часть моей должности.

Гвардеец шагнул вперед, возвышаясь над Виктором на голову. От него пахло озоном, оружейным маслом и ладаном.

– Во дворце запрещено ношение огнестрельного оружия всем, кроме Личной Охраны Его Величества. Таков закон.

Виктор устало вздохнул. Ему не хотелось устраивать сцену, но и разоружаться перед входом в змеиное гнездо он не собирался.

– Мой револьвер, поручик, – Виктор посмотрел прямо в тлеющие глазницы шлема, – это единственный предмет здесь, который не может взорваться от случайного чиха мага. Если хотите, можете его заговорить. Ах да... не получится.

Пауза затянулась. Гвардеец переводил взгляд с Виктора на дрожащего адъютанта. Напряжение росло. Казалось, воздух между ними сейчас вспыхнет. Наконец, офицер отступил на полшага.

– Под вашу ответственность, князь. Но если вы достанете его в присутствии Его Величества, вас испепелят до того, как палец коснется курка.

– Справедливо, – кивнул Виктор.

Он прошел внутрь, чувствуя спиной тяжелый взгляд стража.

Внутри Зимний Шпиль напоминал драгоценную шкатулку, изнутри обитую бархатом и золотом, в которой кто-то забыл кусок гнилого мяса.

Роскошь здесь была кричащей, агрессивной, подавляющей. Стены из малахита и яшмы, потолки, расписанные движущимися фресками, изображающими победы Империи над Хаосом. Люстры, в которых вместо свечей сияли пойманные

в хрустальные клетки элементали света.

Но за всем этим великолепием Виктор чувствовал отчетливый запах страха.

Коридоры были пустынные, хотя время близилось к полуночи – час, когда двор обычно только просыпается. Редкие слуги в ливреях с гербами Великих Родов жались к стенам, пропуская Виктора. Они отводили глаза, словно он был прокаженным. Впрочем, так оно и было. «Пустой» князь. Ошибка природы. Палач.

– Нам в Восточное Крыло? – спросил Виктор, заметив, что адъютант сворачивает не туда.

– Нет, Ваше Сиятельство. Граф ждет вас в «Свинцовом кабинете».

Виктор нахмурился. «Свинцовый кабинет» – это бункер. Комната, полностью изолированная от магических потоков. Место для разговоров, которых не должны слышать даже стены. Особенно стены Зимнего Шпиля, у которых были уши в самом прямом, магическом смысле.

Они подошли к лифту – тяжелой, кованой клетке, увитой золотыми лозами. Адъютант нажал рычаг, и кабина плавно скользнула вниз по пневматической шахте. С каждым этажом давление Эфира падало, и Виктору становилось легче дышать. Виски перестало ломить.

Внизу, в подвалах дворца, где располагался оперативный штаб Тайной Канцелярии, царила совсем другая атмосфера. Здесь не было золота и бархата. Только голый бетон, клепа-

ная сталь и гул аналитических машин. Клерки бегали с кипами бумаг, пневмопочта с хлопками выплевывала латунные капсулы с донесениями. Здесь ковалась реальная политика, пока наверху танцевали марионетки.

Адъютант подвел Виктора к массивной герметичной двери, похожей на люк подводной лодки.

– Дальше я не могу. Граф ждет.

Виктор повернул штурвал. Механизм лязгнул, и дверь с шипением отворилась, выпуская спертый воздух.

В «Свинцовом кабинете» было холодно. Вдоль стен стояли стеллажи с папками, на столе горела простая электрическая лампа под зеленым абажуром. Никаких магических светильников. Только физика и бюрократия.

Граф Алексей Петрович Бестужев, глава Тайной Канцелярии и второй человек в Империи после самого Императора, сидел в глубоком кресле, укутав ноги клетчатым пледом. Виктор не видел его полгода. За это время граф постарел лет на десять.

Бестужев был «Высоким Одаренным» – магом разума, менталистом невероятной силы. Но сейчас Виктор видел перед собой развалину. Лицо графа, когда-то красивое и властное, теперь напоминало треснувшую фарфоровую маску. Левая половина лица была неподвижна, кожа приобрела серый, каменный оттенок. Ржавчина пожирала его заживо.

– Заходи, Витя, – голос графа был сухим и скрипучим, как песок на зубах. – Садись. Не стой над душой, и так тошно.

Виктор сел на жесткий стул напротив.

– Выглядите... – начал он, подбирая слово.

– Как труп? – усмехнулся Бестужев кривой половиной рта. – Знаю. Врачи говорят, еще год, если не колдовать. Месяц, если работать в моем темпе. Но мы здесь не мое здоровье обсуждать собрались.

Граф подвинул к Виктору тонкую папку без названия.

– Читай.

Виктор открыл папку. Внутри лежала одна-единственная фотография и краткое медицинское заключение. На черно-белом снимке был молодой человек. Красивый, с тонкими чертами лица, светлыми кудрями и глазами, открытыми в вечном удивлении. Он лежал на полу, раскинув руки, в окружении сложного, начерченного мелом круга.

Великий Князь Константин. Младший сын Императора. Любимец двора, меценат, надежда либерального крыла аристократии. Двадцать два года.

– Когда? – спросил Виктор, поднимая тяжелый взгляд на шефа.

– Три часа назад. Его нашли в личной лаборатории в Южном флигеле.

– Официальная версия?

– Разрыв Эфирного контура при попытке трансмутации, – отчеканил Бестужев заученную фразу. – Несчастный случай. Трагическая ошибка юного гения, переоценившего свои силы.

Виктор снова посмотрел на фото. Он не был экспертом-криминалистом, но пятнадцать лет работы «чистильщиком» научили его видеть детали, которые упускают другие.

– Поза неестественная, – сказал он, тыча пальцем в снимок. – При разрыве контура тело обычно отбрасывает взрывной волной, или оно деформируется. Здесь же... он словно уснул. И кожа. Видите? Она слишком бледная даже для свежего трупа. Словно из него выкачали не только жизнь, но и саму краску.

– Ты внимателен, – кивнул Бестужев. – Поэтому ты здесь. Граф тяжело поднялся, опираясь на трость с набалдашником из чистого железа – еще один способ гасить фоновую магию, разъедающую его тело. Он прошел к сейфу, достал бутылку коньяка и два простых граненых стакана. Налил себе и Виктору.

– Это не несчастный случай, Виктор. И не самоубийство. Это ритуал.

– Какой?

– «Иссушение», – Бестужев произнес это слово так, словно выплюнул ядовитый камень. – Запретная техника Крови. Кто-то выпил его потенциал. Весь, до капли. Константин был сильным магом, уровня Архимага. Теперь в нем Эфира меньше, чем в булыжнике на мостовой.

Виктор залпом выпил коньяк. Жидкость обожгла горло, но тепла не принесла.

– «Иссушение» требует контакта, – медленно сказал он,

обдумывая услышанное. – И времени. Убийца должен был быть рядом. И Константин должен был ему доверять. Иначе защита лаборатории испепелила бы гостя.

– Именно.

Бестужев вернулся в кресло. Его единственный здоровый глаз сверлил Виктора насквозь.

– Император в ярости. Но он боится. Если станет известно, что члена императорской семьи убили, да еще таким варварским способом... Это паника. Роды начнут грызть друг друга, обвиняя в черной магии. Начнется гражданская война. У нас и так на границах неспокойно, а в Нижнем Городе каждый день стачки.

Граф подался вперед, и свет лампы упал на его обезображенное лицо.

– Мне нужно, чтобы ты закрыл это дело, Виктор.

– Закрыл? – переспросил Волков, прищурившись. – Или раскрыл?

– Официально: ты подтвердишь версию о несчастном случае. Составишь отчет, подпишешь его как независимый Цензор. Твоя репутация неподкупного ублюдка здесь сыграет нам на руку. Никто не поверит, что ты стал покрывать Корону.

– А неофициально?

– Неофициально, – голос Бестужева стал жестким, как удар хлыста, – ты найдешь того, кто это сделал. И принесешь мне его голову. Тихо. Без суда. Без скандала.

Виктор криво усмехнулся.

– Вы просите меня солгать всей Империи, Алексей Петрович.

– Я прошу тебя спасти Империю от кровавой бани! – рявкнул граф, ударив кулаком по столу. С его пальцев сорвались искры, но тут же погасли в антимагическом поле комнаты.

Бестужев тяжело задышал, хватаясь за сердце.

– У тебя три дня, Виктор. Через три дня объявят о похоронах. К этому моменту у меня на столе должно лежать имя убийцы.

Виктор задумчиво крутил пустой стакан в руках. Он понимал расклад. Его снова используют. Как швабру, которой вытирают кровь с паркета, чтобы гости не запачкали туфельки. Но выбор был невелик.

– Почему я? – спросил он. – У вас полк дознавателей. Менталисты, провидцы, некроманты...

– Потому что ты «Пустой», – отрезал Бестужев. – Менталиста можно обмануть ложной памятью. Провидца – запутать мороком. Магия во дворце сейчас такая плотная, что любой одаренный следователь сойдет с ума от фонового шума через час. А ты... ты увидишь только факты. Тебе плевать на ауры и статусы. Ты видишь грязь там, где другие видят сияние.

Граф достал из ящика стола тяжелый металлический жетон на цепочке. На нем был выбит символ Тайной Канцелярии: сова, держащая в когтях череп.

– Это твой мандат. Чрезвычайные полномочия. Доступ везде, кроме личных покоев Императора. Можешь допрашивать любого, вплоть до Герцогов.

– Даже Орлова? – прищурился Виктор.

Бестужев поморщился при упоминании фаворита, словно от зубной боли.

– Даже его. Но будь осторожен. Орлов сейчас – фактический регент. Император... нездоров. Орлов контролирует Гвардию. Если он решит, что ты копаешь под него – тебя не спасет даже моя протекция.

Виктор взял жетон. Металл был холодным и тяжелым, как могильная плита.

– Еще одно, – добавил Бестужев, когда Виктор уже встал. – Ты будешь работать не один.

– Я работаю один. Вы знаете.

– Не в этот раз. Лаборатория принца напичкана техно-магическими замками и ловушками. Ты их просто сломаешь своей аурой, а нам нужно извлечь данные, а не уничтожить их. Я даю тебе специалиста.

– Няньку? – фыркнул Виктор.

– Эксперта. Лучшую выпускницу Академии Механики. Она уже ждет тебя у входа в лабораторию.

– Как ее зовут?

– Анна Ростова.

Виктор нахмурился. Фамилия была знакомой, но какой-то... неправильной. Ростовы – старый, гордый род, но

они разорились лет двадцать назад и исчезли с радаров после скандала с мятежом.

– Она из тех самых Ростовых?

– Она – бастард, – сухо сказал Бестужев. – Как и ты, она лишняя в этом празднике жизни. Вы поладите.

Граф устало махнул рукой, показывая, что аудиенция окончена.

– Иди, Виктор. И помни: если ты провалишься, я лично подпишу приказ о твоей ликвидации. Ничего личного. Государственная необходимость.

– Я знаю, Алексей Петрович. – Виктор надел шляпу, скрывая глаза под полями. – Я всегда знал, что вы меня цените.

Он вышел из кабинета, оставив старика наедине с его болезнью, страхом и тьмой. Дверь зашипела, снова отрезая «Свинцовый кабинет» от магического шторма дворца.

Виктор шел по коридорам Восточного Крыла. Теперь, когда он знал цель, дворец казался еще более зловещим. Каждая статуя, каждая картина казалась наблюдателем.

Константин мертв. «Золотой мальчик», который обещал реформы, обещал дать права неодаренным, обещал остановить безумную гонку вооружений с Западом. Единственный человек в этой проклятой семье, который однажды пожал Виктору руку, не надевая перчатку.

Виктор сжал кулаки. Кожа перчаток жалобно скрипнула. «Иссушение». Смерть от этого страшна. Человек чувствует, как из него вытягивают душу, капля за каплей, но не может

даже пошевелиться. Тот, кто это сделал, был чудовищем. Хуже любого мутанта из Разлома.

В конце галереи, у высоких двустворчатых дверей, украшенных серебряной вязью, стоял усиленный караул. И де-вушка.

Она была одета не в придворное платье, а в рабочий комбинезон из плотной темно-синей ткани, поверх которого был наброшен кожаный фартук с множеством карманов и петель. На поясе висели странные инструменты, напоминающие хирургические, но с линзами и кристаллами. На шее болтались тяжелые латунные гогглы – защитные очки механиков. Волосы, рыжие, как начищенная медь, были небрежно стянуты в узел, из которого выбивались непослушные кудрявые пряди.

Она что-то яростно доказывала начальнику караула, размахивая руками.

– ...я говорю вам, капитан, если вы не перестанете тыкать своей алебардой в контур защиты, он сдетонирует! И тогда вас придется соскребать со стен шпателем!

– Леди, отойдите, – басил капитан, не меняя позы. – Приказа пускать никого не было.

– Был приказ обеспечить сохранность улики! А ваше дыхание повышает влажность, что губительно для тонких эфирных следов! Вы понимаете, что такое гигроскопичность эктоплазмы?!

Виктор подошел ближе. Его шаги по ковру были бесшум-

ными, но «пустота» шла впереди него. Капитан гвардии дернулся, обернулся и, увидев Виктора, побледнел.

– Князь Волков...

– Открыть двери, капитан, – тихо сказал Виктор, показывая жетон с совой. – И отойти на десять шагов. Ваше дыхание, и правда, раздражает.

Капитан сглотнул, кивнул своим людям, и гвардейцы поспешно распахнули двери, отступая. Они были рады убрать-ся подальше и от сумасшедшей девицы, и от Цензора.

Девушка резко повернулась к Виктору. У нее были острые скулы, россыпь веснушек и глаза цвета грозового неба – серые, умные и очень холодные. Она окинула его взглядом с ног до головы, задержавшись на револьвере.

– Значит, вы и есть тот самый цепной пес Бестужева? – спросила она. Голос был звонким, уверенным, без жеманства, свойственного придворным дамам.

– Виктор Волков, – представился он. – А вы, полагаю, Анна?

– Ростова, – кивнула она, поправляя сумку с инструментами. – И предупреждаю сразу, князь: если ваша «пустота» испортит мои приборы, я выпишу счет Тайной Канцелярии. У меня оборудование настроено на микроны, а вы фоните антимагией, как сломанный реактор.

Виктор хмыкнул. Наглость. В этом дворце наглость была либо признаком беспросветной глупости, либо большого таланта.

– Ну, идемте, – она махнула рукой в сторону открытых дверей. – Посмотрим, как умирают принцы.

– После вас, – сказал он.

Они шагнули в темноту лаборатории, и тяжелые двери с глухим стуком захлопнулись за их спинами, отрезая путь назад. Охота началась.

Глава 3. Анатомия тишины

Лаборатория Великого Князя Константина напоминала внутренности сломанных часов: все здесь замерло в секунду катастрофы, но пружины напряжения все еще были взведены до предела.

Помещение было огромным – высокий зал-ротонда со стеклянным куполом, сквозь который, барабана по армированному стеклу, лился нескончаемый петербургский дождь. Вспышки молний на мгновение выхватывали из полумрака ряды медных труб, стеклянные колбы в человеческий рост, в которых плавали законсервированные химеры, и сложные, похожие на паутину, системы линз и зеркал.

Воздух здесь был стерильным и холодным. Он пах не гнилью, как у Корфа, и не страхом, как в коридорах дворца. Он пах озоном, спиртом и... чем-то приторно-сладким. Запахом пережженного сахара.

Виктор шагнул внутрь, и лаборатория мгновенно отозвалась на его присутствие. Тихий гул, исходивший от кристаллов-накопителей вдоль стен, сбился с ритма. Свет газовых рожков, усиленных магией, мигнул и стал тусклее. Лежащие на столах инструменты – тонкие серебряные щупы, пинцеты из небесной стали – мелко задребезжали, словно от озноба. Мир магии корчился, чувствуя приближение «Пустого».

– Стоять!

Резкий окрик Анны Ростовой хлестнул, как пощечина. Она обогнала Виктора, преградив ему путь рукой. На ее ладони была натянута перчатка из тонкой кожи с вшитыми медными нитями.

– Ни шагу дальше, князь. Ваше поле... оно как слон в посудной лавке. Вы сейчас «размагнитите» мне всю эфирную картину преступления.

Виктор остановился. Он посмотрел на девушку сверху вниз. Анна была ниже его на голову, но смотрела с такой яростной уверенностью, что возражать не хотелось. Она уже нацепила на нос свои громоздкие гогглы с множеством сменных линз, которые с тихим жужжанием меняли фокус.

– Моя работа – осмотреть тело, – спокойно сказал он. – А не любоваться вашими приборами.

– Чтобы осмотреть тело, до него нужно дойти, не уничтожив следы, – огрызнулась она. – Вы понимаете, что такое «эфирный отпечаток»? Это как отпечаток пальца, только в четырех измерениях.

– Я понимаю, что такое труп, госпожа Ростова. Он лежит вон там, в центре круга. И он никуда не убежит, в отличие от убийцы.

Анна фыркнула, поправила ремень тяжелой сумки и достала странный прибор, похожий на помесь компаса и счетчика Гейгера. Стрелка прибора бешено скакала из стороны в сторону.

– Фон нестабилен, – пробормотала она себе под нос, на

секунду забыв о Викторе. – Остаточная радиация минимальна. Странно... Для передозировки здесь должно фонить так, что у меня волосы бы выпали.

Она повернулась к Виктору.

– Идите за мной. След в след. И, ради Бога, держите руки при себе. Не касайтесь ничего, что светится, гудит или выглядит дороже вашего родового поместья.

– У меня нет поместья, – сухо заметил Виктор. – Его сожгли пятнадцать лет назад.

Анна на секунду замерла, ее взгляд смягчился, но тут же снова стал колючим и профессиональным.

– Тогда вам нечего терять. Идемте.

Они двинулись к центру зала. Виктор чувствовал себя сапером на минном поле. Каждый шаг отдавался звоном в ушах – так его организм реагировал на высокую концентрацию чужеродной магии. Но по мере того как он продвигался, звон стихал. Его аура «выжигала» путь, создавая коридор нормальности в этом царстве безумной науки.

Тело Константина лежало на каменном возвышении, окруженном сложной вязью рун, начерченных фосфоресцирующим мелом. Принц был одет в простую рабочую рубашку и брюки. Никаких регалий, никаких орденов. Он выглядел так, словно прилег отдохнуть посреди эксперимента. Лицо спокойное, глаза полуоткрыты и устремлены в купол, туда, где бушевала гроза.

Но кожа... Виктор подошел вплотную, нарушая запрет

Анны. Он наклонился над телом. Кожа принца была не просто бледной. Она была полупрозрачной, похожей на пергамент, натянутый на кости. Сквозь нее просвечивали вены, но они были не синими, а угольно-черными, словно заполненными тушью.

– Что вы видите, Цензор? – голос Анны прозвучал тихо. Она стояла рядом, настраивая свои линзы. Теперь, вблизи, Виктор заметил, что ее руки слегка дрожат.

– Я вижу человека, которого выпили, – ответил Виктор. – Как пакет с соком.

– Грубая метафора, но пугающе точная.

Анна щелкнула тумблером на приборе. Из него вырвался тонкий луч зеленого света, который она направила на грудь мертвеца.

– Официальная версия гласит: Константин пытался синтезировать «Абсолют» – чистый Эфир в жидкой форме. Контур не выдержал, произошел неконтролируемый выброс, и его тело не справилось с нагрузкой. Сгорело изнутри.

– Чушь, – отрезал Виктор. – Я видел сгоревших от передозировки. У них глаза вытекают, а мясо отстает от костей. Они превращаются в ходячие бомбы. А здесь...

Он указал на руку принца, безжизненно свисающую с постамента.

– Смотрите на ногти. Они целы. Волосы не опалены. Одежда без следов гари.

– Верно, – кивнула Анна. В ее голосе прозвучало уваже-

ние. – Это не передозировка. Это дефицит.

– Дефицит?

– Острая эфирная недостаточность. Вакуум. Кто-то или что-то создало вокруг него зону абсолютного поглощения. Из него вытянули не только ману, но и жизненную силу, которая ее поддерживает. Биополе схлопнулось внутрь себя.

Виктор выпрямился, оглядывая лабораторию цепким взглядом.

– Чтобы создать такой вакуум, нужно громоздкое оборудование. Или очень мощный артефакт.

– Или очень сильный маг, – добавила Анна, пряча прибор. – Маг Крови.

– Магия Крови запрещена сто лет назад.

– Убийство наследников тоже запрещено, но, как видите, это никого не останавливает.

Анна подошла к столу, стоявшему рядом с телом. На нем в хаотичном беспорядке лежали журналы наблюдений, пробирки и опрокинутая фарфоровая чашка с недопитым кофе. Она взяла чашку длинным пинцетом, поднесла к носу.

– Кофе. Холодный. Сахара три ложки. И... – она нахмурилась. – Следы наперстянки.

– Сердечное? – удивился Виктор.

– Или яд, если в больших дозах. Но здесь микродоза. Константин жаловался на аритмию?

– Не знаю. В его досье об этом ни слова. Он был здоров как бык.

– Значит, его опоили, – заключил Виктор. – Чтобы ослабить контроль. Сонный маг не может сопротивляться выкачке.

Он начал обходить защитный круг. Руны были сложными, древними. Виктор не мог их прочесть – для него это были просто бессмысленные каракули, – но он чувствовал структуру, как слепой чувствует тепло огня.

– Круг цел, – заметил он. – Линии не прерываются.

– Взгляните сюда, – Анна указала на сегмент круга у изголовья принца. – Через мои фильтры видно: здесь линия переписана. Поверх старого мела нанесен новый слой. Идеально подогнанный, но химический состав другой.

Она провела пальцем по воздуху, и Виктор увидел, как в свете ее прибора часть линии засветилась красным.

– Кто-то вошел в круг, сделал свое дело, а потом аккуратно восстановил защиту, чтобы все выглядело как несчастный случай внутри контура.

– Это значит, что Константин сам впустил убийцу, – мрачно сказал Виктор. – Или убийца имел ключи доступа к лаборатории.

Он подошел к массивной панели управления у стены. Рычаги, манометры, стеклянные трубки, по которым все еще текла какая-то светящаяся жидкость.

– Вы техно-маг, Анна. Проверьте систему безопасности. Кто отключал сигнализацию?

Анна подошла к панели. Она достала из сумки набор шу-

пов, подключила их к клеммам и надела на голову тонкий серебряный обруч с кристаллами. Ее глаза закатились, пальцы забегали по воздуху, словно она играла на невидимом пианино.

– Сейчас... Я считываю лог событий механического запора... Странно.

– Что?

– Магический замок не взломан. Он был открыт «родным» ключом. Ключом Константина.

– Он мог открыть дверь сам?

– Мог. Но вот механический дубликатор... – Анна нахмурилась еще сильнее. – В 21:15 система вентиляции была переведена в режим «герметизация». Кто-то перекрыл подачу воздуха извне.

– Зачем?

– Чтобы крик не был слышен? Или чтобы запах не вышел? – предположила она. – Но самое интересное не это. В 21:30, момент предполагаемой смерти, скачки напряжения в сети отсутствовали.

– То есть?

– Если бы это был взрыв или прорыв, приборы бы зашкалило. Но здесь была тишина. Система просто... уснула. Кто-то отключил предохранители вручную.

Виктор подошел к вентиляционной решетке. Она была высоко, под самым потолком.

– Анна, посветите туда.

Девушка направила мощный луч фонаря вверх. На решетке что-то блеснуло.

– Мне нужно туда подняться, – сказал Виктор.

– Там пять метров, князь. Летать вы не умеете.

– Зато вы умеете. У вас же есть эти... крылья? Глайдеры?

Анна усмехнулась.

– Хотите, чтобы я вас посадила? С вашей-то массой и аурой, которая глушит мои антигравы?

– Просто создайте платформу. Или лестницу. Вы же маг материи.

– Я инженер, а не цирковой фокусник! – возмутилась она, но все же начала пассы руками.

Из пола, с жутким скрежетом вырывая паркет, начала расти металлическая конструкция – грубая винтовая лестница, собранная из труб и арматуры, скрытой под полом.

– Быстрее, – процедила Анна, по лбу которой покатился пот. – Рядом с вами структура нестабильна. Она рассыплется через минуту.

Виктор взбежал по шатающимся ступеням. Металл под ногами вибрировал, готовый превратиться в труху от его прикосновения. Он добрался до решетки. Она была прикручена болтами, но для Виктора это не было проблемой. Он просто коснулся металла, вложив в касание намерение «разрушения». Болты, проржавевшие за секунду, осыпались рыжей пылью.

Виктор снял решетку. Внутри шахты было темно. Но на

краю, зацепившись за острый край металла, висел клочок ткани. Темно-синий бархат. И маленькая, золотая пуговица с гербом.

Лестница под ним зашаталась и жалобно скрипнула.

– Князь! – крикнула снизу Анна. – Прыгайте! Конструкция плывет!

Виктор оттолкнулся и прыгнул. Лестница за его спиной с грохотом рухнула, распадаясь на куски ржавого железа. Он приземлился на ноги, перекатился, гася инерцию, и встал, отряхивая колени.

– Вы сумасшедший, – выдохнула Анна. – Вы только что уничтожили три метра антикварного паркета.

– Зато я нашел это.

Виктор протянул ей находку. Анна взяла клочок ткани пинцетом.

– Бархат высшего качества. Золотая нить. Пуговица... это герб рода Орловых.

– Герцог Орлов, – прошептал Виктор. – Фаворит.

– Это не может быть он, – покачала головой Анна. – Орлов – маг Огня. Если бы он убивал, здесь бы все сгорело. А это... это работа кого-то тонкого. Холодного.

– Улики указывают на него. Или кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

В этот момент лаборатория ожила.

Внезапно включились все прожекторы под потолком, заливая зал ослепительно белым, хирургическим светом. За-

выла сирена – низкий, вибрирующий вой, от которого закладывало уши. Тяжелые двери, через которые они вошли, захлопнулись, и на них вспыхнули красные руны блокировки.

– Что происходит?! – крикнул Виктор, перекрывая вой sireны.

Анна металась у панели управления.

– Протокол «Зачистка»! – закричала она, ее лицо побелело, как полотно. – Система решила, что произошла утечка биологической угрозы! Кто-то активировал ее удаленно!

– И что она делает?

– Сжигает все живое внутри термической плазмой! Через тридцать секунд здесь будет тысяча градусов!

Из отверстий в стенах, где раньше была вентиляция, повалил густой серый газ.

– Это катализатор! – Анна закашлялась, прикрывая рот рукавом. – Сейчас пойдет искра!

Виктор подбежал к дверям. Он ударил по ним плечом, потом приложил ладонь, пытаясь «обнулить» магию замка. Руны зашипели, поблекли, но не исчезли.

– Не выйдет! – крикнула Анна. – Это запитано от центрального ядра дворца! Там бесконечный источник энергии! Вашей «пустоты» не хватит, чтобы его истощить!

Тридцать секунд. Виктор огляделся. Лаборатория превращалась в печь. Газ заполнял помещение.

– Анна! Кристаллы! – крикнул он.

– Что?!

- Накопители энергии вдоль стен! Если их разбить, выброс энергии перегрузит систему защиты?
- Это самоубийство! Нас размажет взрывной волной!
- У нас нет выбора! Или сгорим, или взорвемся! Ты сможешь создать щит?
- Я... я попробую! Но мне нужен Эфир, а вы его гасите!
- Я отойду!

Виктор выхватил револьвер. Он не мог стрелять в магические замки. Но он мог стрелять в физические объекты. Кристаллы-накопители были огромными, сияющими столбами из горного хрусталя, полными жидкого света.

– В угол! – скомандовал он.

Анна бросилась в дальний угол лаборатории, за массивный свинцовый шкаф. Она начала быстро чертить в воздухе защитную гексаграмму. Синие линии сплетались в кокон.

Виктор поднял «Туляк».

– Надеюсь, ты права, инженер, – прошептал он.

Первый выстрел. Пуля ударила в центр кристалла. Хрусталь брызнул осколками. Второй выстрел. Третий. Кристалл треснул. Внутри него забуллил жидкий свет, готовый вырваться наружу. Система безопасности взвыла на новой, истерической ноте.

Виктор побежал к Анне. Он чувствовал, как за его спиной нарастает чудовищное давление. Кристалл детонировал.

Это был не огонь. Это была волна чистой силы. Она смела оборудование, столы, колбы. Тело принца швырнуло к сте-

не, как тряпичную куклу. Виктор прыгнул за шкаф в тот момент, когда волна ударила.

Анна вскрикнула, удерживая щит. Ее руки кровоточили – напряжение было запредельным. Щит трещал, прогибаясь под ударом стихии. Виктор сделал то, чего никогда не делал. Он обнял ее. Не из романтики. Он закрыл ее собой, создавая второй слой защиты – свою «пустоту».

Волна магии, ударив в его спину, разбилась, как вода о волнорез. Его пальто задымилось. Он закричал от боли – не физической, а ментальной. Ощущение было такое, будто через него пропустили ток в тысячу вольт. Его дар «пустоты» работал на пределе, поглощая океан энергии.

Грохот. Звон стекла. И тишина. Только шипение пара и стук падающих осколков. Сирена замолчала. Двери, лишенные питания, с лязгом разблокировались.

Виктор сполз по стене, тяжело дыша. Перед глазамиплыли черные круги. Анна сидела рядом, обхватив колени. Ее гогглы треснули, лицо было в саже. Она смотрела на Виктора широко раскрытыми глазами.

– Вы... – прошептала она. – Вы только что поглотили взрыв класса «А».

Виктор попытался усмехнуться, но губы не слушались.

– Считайте это... демонстрацией возможностей.

Он с трудом поднял руку. Рукав пальто сгорел, обнажив кожу. На предплечье проступили черные вены – временный эффект перегрузки.

Двери лаборатории распахнулись. В проеме стояли гвардейцы с нацеленными винтовками и боевыми посохами.

– Бросить оружие! – заорал капитан.

Виктор с трудом поднялся. Он шатался, но взгляд его был ясным и злым.

– Уберите палки, идиоты, – прохрипел он. – И зовите лекаря.

Он посмотрел на Анну и протянул ей руку, помогая встать. В ее ладони все еще был крепко зажат клочок синего бархата с пуговицей Орловых.

– Мы нашли след, Анна, – тихо сказал он, чтобы не слышала охрана. – Теперь охота началась по-настоящему.

Анна посмотрела на улику, потом на Виктора. В ее взгляде больше не было презрения. Там был страх, смешанный с восхищением.

– Вы безумец, Волков, – сказала она, пряча бархат в потайной карман. – Но с вами не скучно.

Они вышли из дымящейся лаборатории под прицелами гвардии, оставляя за спиной разрушенный храм науки и тело принца, который даже после смерти умудрился попытаться их убить. В кармане Виктора тяжелел револьвер, а в голове билась одна мысль: тот, кто активировал ловушку, знал, что они там. Их предали еще до того, как они начали.

Глава 4. Теория сломанных вещей

Тишина в коридоре Восточного крыла была обманчивой, как лед на Неве в апреле. Она трещала под тяжестью взглядов.

Виктор сидел на узкой деревянной скамье в приемной коменданта дворцовой стражи, прислонившись затылком к прохладной стене. Его пальто, прожженное в трех местах и пахнущее озоном, лежало рядом, обнажая мятую рубашку и кобуру. Левая рука, принявшая на себя основной удар магической волны, мелко дрожала. Вены на ней уже не были черными, но кожа приобрела серый, пепельный оттенок – «эфирный ожог» первой степени. Для «пустого» это было все равно что сунуть руку в кипяток. Больно, но не смертельно.

Напротив него, нервно вышагивая из угла в угол, мерила шагами паркет Анна Ростова. Она сняла свои громоздкие гогглы, и теперь они висели у нее на шее, поблескивая треснувшими линзами. Без этой маски ее лицо казалось совсем юным – бледным, с россыпью веснушек, которые сейчас ярко выделялись на фоне испачканной сажей кожи. Но глаза у нее были взрослыми. В них плескалась гремучая смесь адреналина, злости и холодного расчета.

– Вы понимаете, что мы уничтожили место преступления? – резко спросила она, остановившись напротив Викто-

ра. – С точки зрения протокола, мы – вандалы.

Виктор приоткрыл один глаз.

– С точки зрения протокола, мы – выжившие. А лаборатория и так была скомпрометирована. Тот, кто активировал «Зачистку», не хотел скрыть улики. Он хотел скрыть нас.

– И у него почти получилось, – фыркнула Анна.

Она порылась в карманах фартука, достала мятую пачку папирос и, не спрашивая разрешения, закурила. Дым был ментоловым, тонким.

– Если бы не моя реакция и ваш... хм... талант работать заземлителем, нас бы соскребали со стен шпателем.

Дверь кабинета коменданта распахнулась с грохотом. На пороге возник полковник Преображенского полка – грузный мужчина с пышными усами и шрамом через всю щеку. Его парадный мундир был безупречен, а лицо налито кровью от ярости.

– Князь Волков! – прорычал он, брызгая слюной. – Это неслыханно! Вы взорвали императорское имущество! Вы устроили перестрелку в Восточном крыле!

Виктор медленно поднялся. Каждое движение давалось с трудом, мышцы ныли, словно после марафона. Он надел пальто, скрывая дрожь в руках, и посмотрел на полковника своим фирменным «мертвым» взглядом.

– Полковник, – голос Виктора был тихим, но в нем лязгнула сталь. – Я предотвратил теракт. Система безопасности была взломана. Если бы мы не разрядили накопители,

взрыв разнес бы не только лабораторию, но и половину этажа. Включая опочивальню Ее Величества, которая находится прямо над нами.

Полковник поперхнулся воздухом.

– Вы... вы утверждаете...

– Я утверждаю, что вам стоит проверить своих техников, полковник. А не орать на Цензора, который только что спас вашу карьеру.

Виктор шагнул к столу, взял бланк протокола ареста, который полковник собирался ему сунуть, и небрежно разорвал его пополам.

– Мы уходим. Тело принца доставят в морг Тайной Канцелярии под моим личным конвоем. Все обломки из лаборатории – собрать и опечатать. И если пропадет хоть винтик, я буду считать это соучастием в цареубийстве. Вопросы есть?

Полковник открыл рот, закрыл, побагровел еще сильнее, но промолчал. Жетон с совой и черепом, висящий на шее Виктора, был аргументом посильнее любого устава. В Империи боялись магов, но Цензоров боялись больше. Потому что от мага можно закрыться щитом, а от Цензора защиты нет.

– Идемте, Анна, – бросил Виктор через плечо. – Нам нужно место потише. И кофе. Много кофе.

Они нашли убежище в старой обсерватории, расположенной в одной из боковых башен дворца. Это было место Анны – Виктор понял это сразу, как только они вошли.

Здесь царил упорядоченный хаос. Бронзовые телеско-

пы, нацеленные в хмурое небо Петербурга, соседствовали с верстаками, заваленными шестеренками, необработанными кристаллами и чертежами дирижаблей. В воздухе пахло машинным маслом, старой бумагой и сушеной лавандой. У стены стоял огромный медный самовар, подключенный к миниатюрному паровому двигателю. Он тихо пыхтел, поддерживая воду горячей.

– Моя мастерская, – коротко бросила Анна, запирая тяжелую дверь на засов и активируя рунный контур защиты. – Здесь нет прослушки. Я лично экранировала стены свинцом и заговорила каждый кирпич.

Она подошла к умывальнику, смыла сажу с лица и рук, затем повернулась к Виктору.

– Раздевайтесь.

Виктор приподнял бровь.

– Леди, мы знакомы всего час.

– Снимайте пальто и рубашку, Волков. Мне нужно осмотреть ваш ожог. Если некроз пойдет глубже, вы потеряете руку. А мне нужен напарник с двумя рабочими конечностями.

Виктор хмыкнул, но подчинился. Он снял тяжелое пальто, мокрую от пота рубашку и сел на высокий табурет. Анна подошла к нему с аптечкой. Ее пальцы, прохладные и уверенные, коснулись его плеча. Виктор невольно вздрогнул.

– Больно? – деловито спросила она, нанося на серую кожу какую-то мазь, пахнущую мятой и спиртом.

– Неприятно. Мое тело не любит, когда его трогают маги-

ей. Даже лечебной.

– Это не магия. Это алхимия. Экстракт белой ивы и мумие. Чистая химия, князь. Я знаю, кто вы.

Она начала бинтовать руку, делая это быстро и профессионально.

– И кто же я, по-вашему?

– Аномалия, – просто сказала она, не поднимая глаз. – Ошибка в уравнении мира. Эфир пронизывает все живое. Даже у крыс есть микроскопический магический фон. У вас – ноль. Абсолютный ноль. Как в вакууме.

Она завязала узел бинта и посмотрела ему в глаза.

– Это должно быть одиноко. Жить в мире цвета и звука, будучи слепым и глухим к его главной симфонии.

Виктор усмехнулся. Улыбка получилась горькой. Он взял предложенную ему кружку с кофе, сделал глоток. Напиток был крепким, черным, как нефть.

– Эта «симфония» убила моего отца, Анна. И убивает этот город. Я предпочитаю тишину.

– Тишина тоже может убить, если она кладбищенская, – парировала она. – Ладно. Хватит лирики. Давайте работать. Что у нас есть?

Она подошла к рабочему столу, включила яркую лампу с увеличительным стеклом и выложила на бархатную подложку их находки: золотую пуговицу с гербом Орловых и пробирку с соскобом, который она успела сделать с губ принца.

– Пуговица, – Анна подцепила ее пинцетом, вертя под све-

том. – Золото 956 пробы. Работа ювелирного дома Фаберже. Личная серия герцога Орлова.

– Слишком просто, – покачал головой Виктор. – Орлов – интриган, но не идиот. Оставить именную пуговицу на месте ритуального убийства? Это все равно что оставить визитную карточку с адресом.

– Согласна. – Анна опустила пуговицу в чашку с реактивом. Жидкость зашипела, но цвет не изменила. – Металл настоящий. Не иллюзия. Но...

Она взяла тонкую иглу и с силой поцарапала обратную сторону пуговицы.

– Смотрите. Под золотом – свинец.

Виктор наклонился.

– Подделка?

– Качественная реплика. Очень качественная. Такую не купишь на базаре. Это работа мастера. Но настоящий Орлов носит только цельнолитое золото. У него пунтик на чистоте металла, он считает, что примеси искажают его магию Огня.

– Значит, нас пытаются навести на след герцога, – кивнул Виктор. – Кто-то очень хочет, чтобы Тайная Канцелярия вцепилась ему в глотку.

– Или сам Орлов хочет, чтобы мы подумали, что это подстава, – предположила Анна. – Двойной блеф.

– Возможно. Но пока будем считать это ложным следом. Что с ядом?

Анна сменила линзы в своих гогглах на спектральные.

Она капнула реагентом в пробирку с соскобом. Жидкость мгновенно окрасилась в ярко-фиолетовый цвет.

– Это не просто наперстянка, Виктор. Это «Слезы Вдовы». Редкий алхимический яд, который синтезируют из цветов, растущих только на местах массовых казней.

Виктор напрягся. Он знал это название.

– Он блокирует волю, – сказал он. – Человек остается в сознании, все понимает, но не может пошевелиться или закричать. Идеально для жертвоприношения.

– Именно. Но самое интересное – его происхождение. «Слезы Вдовы» производят только в одном месте. В закрытых лабораториях Фармацевтической Гильдии.

– Которую курирует...

– ...Его Высочество Принц Константин, – закончила Анна. – Он сам подписал патент на его производство три месяца назад.

Повисла пауза. За окном ударил гром, словно подчеркивая их слова.

– Он создал яд для своего убийцы? – спросил Виктор.

– Или убийца был кем-то из его ближайшего круга. Кем-то, кто имел доступ к его личным разработкам.

Анна нервно постучала пальцами по столу.

– Виктор, тот взрыв в лаборатории... Я успела считать лог системы за секунду до детонации.

– И?

– Команда на активацию пришла не извне. Она пришла с

личного терминала Константина.

– Но Константин мертв.

– Да. Но его биометрический ключ – нет. Кто-то использовал его палец или глаз, чтобы запустить протокол. И этот кто-то был в лаборатории вместе с нами.

Виктор почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– Ты хочешь сказать, что убийца прятался там?

– Нет. В лаборатории никого не было, кроме нас и трупа.

– Тогда как?

Анна посмотрела на него испуганно.

– Големы. Автоматы. Или...

– Или кто-то, кто умеет становиться невидимым даже для «пустого»? – спросил Виктор. – Такое невозможно. Я чувствую любую структуру.

– А если структуры нет? Если это чистая технология?

Анна подошла к одному из своих телескопов и развернула его так, чтобы он смотрел не в небо, а на макет дворца, стоящий в углу.

– Я инженер, Виктор. Я верю в механику. Если магии не было, значит, сработал механизм. Таймер. Отложенная команда. Это значит, что убийство было спланировано поминутно. В 21:00 – яд. В 21:30 – смерть. В 23:45 – прибытие Цензора. В 00:00 – зачистка.

Она подняла на него взгляд.

– Они знали, что придете именно вы. И знали, когда.

Виктор встал и прошелся по комнате. Боль в руке утихла,

сменившись тупой пульсацией. Мысли заработали четко и холодно.

– Бестужев, – сказал он. – Только он и Император знали, что я берусь за дело.

– Вы подозреваете своего шефа?

– Я подозреваю всех, Анна. В этом городе предать может даже собственное отражение. Бестужев болен. Он слаб. А слабыми людьми легко манипулировать.

Он остановился у окна. Внизу, во дворе, блестели мокрые булыжники. Гвардейцы меняли караул. Механизм Империи работал без сбоев, перемалывая людей.

– Анна, – он повернулся к ней. – Зачем вам это?

Она вздрогнула от резкой смены темы.

– Что?

– Зачем вы помогаете мне? Вы могли просто сдать отчет, сказать, что Цензор – дуболом, сломал оборудование, и умыть руки. Вы рискуете карьерой. Жизнью. Вы ведь из «бывших», верно? Ростовы.

Лицо Анны окаменело.

– Моя фамилия не имеет значения.

– Имеет. Ваш род был уничтожен за попытку переворота двадцать лет назад. Вы выжили, сменили имя, поступили в Академию... Зачем лезть в это осиное гнездо снова?

Анна молчала долго. Она смотрела на огонь в топке самовара, и отблески пламени плясали в ее глазах.

– Потому что я помню, как это начиналось тогда, – тихо

сказала она. – Перед бунтом Ростовых тоже пропадали люди. Тоже находили странные ритуалы. Мой отец не хотел переворота, Виктор. Его заставили. Его подставили, как сейчас подставляют Константина. Я вижу тот же почерк. Тот же запах гнили.

Она подняла голову, и в ее глазах горел злой огонь.

– Я не хочу революции. Я хочу знать правду. Кто на самом деле дергает за ниточки.

– Даже если эти ниточки ведут на самый верх?

– Особенно если они ведут туда.

Виктор кивнул. Ему нравился этот ответ. В нем не было пафоса, только личная боль. Это он понимал.

– Хорошо. Тогда у нас договор. Мы делимся информацией, но официально вы – просто технический консультант. Если меня убьют или арестуют, вы скажете, что я вас заставил.

– Договорились, – она протянула руку. – Но с одним условием.

– Каким?

– Вы берете меня на бал.

Виктор поперхнулся воздухом.

– Куда?

– Завтра в Зимнем дворце Большой Осенний Бал. Все Высшие Роды будут там. Орлов будет там. И, судя по тому, что мы нашли, убийца тоже будет там. Нам нужно посмотреть им в глаза, Виктор. Спровоцировать их.

– Я не танцую, – мрачно сказал Виктор. – И меня там не

ждут. Появление «Цензора-смерти» на балу – это скандал.

– Именно! – Анна улыбнулась, и эта улыбка сделала ее опасной. – Скандал – это лучший способ заставить крыс бегать. Вы будете пугалом, Виктор. А я буду смотреть, кто испугается сильнее всех.

Она подошла к платяному шкафу, распахнула дверцы. Там висело не только рабочее тряпье, но и вполне приличное, хотя и скромное, вечернее платье темно-синего цвета.

– У меня есть приглашение. Как лучшая выпускница Академии, я имею право присутствовать в технической ложе. Но я пойду с вами. Как ваша спутница.

– Это безумие, – пробормотал Виктор. – Нас сожрут.

– Вы – Цензор. Вы сами кого угодно сожжете. Так что, князь? Вы готовы пригласить даму на танец со смертью?

Виктор посмотрел на свою забинтованную руку, потом на пуговицу-подделку, лежащую на столе. Времени было мало. Бестужев дал три дня. Один уже почти прошел. Следствие зашло в тупик, и единственный способ его сдвинуть – пнуть муравейник.

– Хорошо, – выдохнул он. – Но если вы наступите мне на ногу, я вас арестую.

Анна рассмеялась. Впервые за вечер искренне и звонко.

В этот момент в дверь постучали. Не рукой, а чем-то твердым. Металлическим. Тук-тук-тук. Пауза. Тук.

Виктор мгновенно выхватил револьвер. Анна схватила со стола какой-то странный лучемер, похожий на пистолет для

сварки.

– Кто? – крикнул Виктор.

– Почта Империи! – раздался писклявый, синтезированный голос.

Виктор подошел к двери, глянул в глазок. В коридоре никого не было. Только на полу стояла маленькая металлическая коробка на шести паучьих ножках – почтовый дрон-голем.

Виктор приоткрыл дверь, не снимая цепочки. Дрон застрекотал, выпустил облачко пара и протянул механической клешней конверт.

– Лично в руки Князю Волкову. Срочность: высшая.

Виктор взял конверт. Дрон тут же свернулся в шар и покатился прочь по коридору, цокая лапками.

Конверт был черным. Без марок. Без обратного адреса. Только имя Виктора, написанное серебряными чернилами.

– Что там? – Анна подошла ближе, не опуская оружия.

Виктор вскрыл конверт. Внутри лежала игральная карта. Пиковая дама. Но вместо лица королевы на ней было нарисовано лицо Виктора. Глаза были выколоты, а горло перерезано красной чертой. И короткая записка на обороте:

«Не лезь в Бездну, Цензор. Она уже занята».

– Угроза? – спросила Анна, заглядывая через плечо.

– Нет, – Виктор усмехнулся, и эта улыбка была страшнее его обычного каменного лица. – Приглашение. Они знают, что мы выжили. И они нервничают.

Он спрятал карту в карман.

– Готовьте платье, Анна. Завтра мы идем на бал. И поверьте, мы устроим им такое веселье, что они будут жалеть, что не убили нас сегодня.

Глава 5. Бал лицемеров

Большой Тронный Зал Зимнего дворца напоминал кратер вулкана, до краев наполненный жидким золотом, драгоценными камнями и ложью.

Здесь не было теней. Десятки тысяч магических светлячков, заключенных в хрустальные сферы под потолком, заливали пространство ровным, бестеневым сиянием, от которого у нормального человека начинали слезиться глаза. Этот свет был призван скрывать дефекты кожи, морщины и первые признаки «эфирной ржавчины», но для Виктора он был пыткой.

Он стоял у подножия Парадной лестницы, чувствуя себя чужеродным элементом. Вороной, залетевшей в стаю райских птиц.

На нем был парадный мундир Тайной Канцелярии: черный, наглухо застегнутый китель с серебряным шитьем, высокий воротник-стойка и никаких наград. Единственным украшением служил тяжелый серебряный аксельбант и тот самый жетон с совой и черепом, который сейчас висел на шее поверх ткани. Перчатки он не снял. Виктор никогда не снимал перчаток на людях.

– Вы дышите так, словно собираетесь кого-то придушить, – раздался тихий голос слева.

Анна Ростова выглядела... иначе. Виктор привык видеть

ее в рабочем фартуке, перепачканную маслом и сажей. Сейчас рядом с ним стояла незнакомка. Темно-синее платье из плотного бархата облегалo фигуру, оставляя открытыми плечи, но скрывая ключицы под полупрозрачной сеткой. Никаких декольте, никаких кричащих украшений. Только в волосах, уложенных в сложную прическу, поблескивала шпилька в виде шестеренки с крохотным сапфиром. Она была красива той строгой, интеллектуальной красотой, которая в этом зале ценилась меньше, чем грудь пятого размера, усиленная магией иллюзий.

– Я и собираюсь, – буркнул Виктор, поправляя манжету. – Желательно – распорядителя этого балагана. Вы чувствуете этот запах?

– Розы и шампанское?

– Страх и разложение. Они маскируют его духами, но я чувствую. Здесь фонит так, что у меня зубы сводит.

– Терпите, князь. Вы сами хотели «пнуть муравейник». Вот он, перед вами.

Анна взяла его под руку. Ее пальцы в длинных перчатках сжали его локоть чуть сильнее, чем требовал этикет. Она тоже нервничала, но скрывала это за маской холодной надменности.

– Готовы? – спросила она.

– Нет. Пошли.

Они начали подъем по лестнице. Обер-камергер, стоявший на верхней площадке с золотым жезлом, ударил им об

пол, призывая к тишине. Гул голосов в зале начал стихать.

– Его Сиятельство, Цензор Тайной Канцелярии, князь Виктор Волков! – провозгласил камергер. Его голос, усиленный магией воздуха, раскатился под сводами, отражаясь от малахитовых колонн. – И... – камергер запнулся, глядя в список, – госпожа Анна Ростова, магистр механики.

Тишина, наступившая после этого объявления, была плотной, как вата. Сотни голов повернулись к входу. Маски – венецианские, фарфоровые, живые (созданные из иллюзий) – уставились на пару в черном и синем. Обычно появление гостей сопровождалось легким шепотом или музыкой. Но сейчас оркестр сбился с ритма. Скрипач уронил смычок.

Виктор сделал шаг в зал. И толпа отшатнулась.

Это произошло инстинктивно. Аура «Пустого» шла перед ним невидимой ударной волной. Дамы, стоявшие ближе всего, схватились за веера – их магические амулеты, поддерживающие свежесть лиц и блеск глаз, на секунду погасли, обнажая реальный возраст. Кавалеры, чьи мундиры сияли наведенным лоском, вдруг потускнели. Иллюзорные бабочки, порхавшие над буфетом, рассыпались горсткой пепла.

Виктор шел сквозь толпу, как ледокол сквозь торосы. Перед ним образовывался пустой коридор шириной в три метра. Люди вжимались в спины друг друга, лишь бы не попасть в зону его «антимэгии». В их глазах Виктор читал брезгливость, смешанную с животным ужасом. Для них он был ходячей смертью. Напоминанием о том, что их сила не беско-

нечна. Что есть кто-то, кто может выключить их божественность одним касанием.

– Улыбайтесь, Виктор, – прошептала Анна, не разжимая губ. – Вы выглядите так, будто выбираете место для стрельной ямы.

– Я именно этим и занимаюсь. Вон тот, у колонны. Граф Шувалов. Видите, как у него дрожит бокал? Он знает про Константина.

– Или он просто боится вас. Смотрите правее. Дамы в алом.

Виктор скосил глаза. Группа аристократок в платьях цвета артериальной крови о чем-то шепталась, бросая на них хищные взгляды.

– Клан Огненных Лис, – процедил Виктор. – Сплетницы и отравительницы. Если они здесь, значит, Орлов тоже где-то рядом.

– Ищем герцога?

– Он сам нас найдет. Мы – главное блюдо вечера.

Они дошли до центра зала. Музыка возобновилась – нервная, дерганая мазурка. Никто не решался заговорить с ними. Вокруг них образовалась зона отчуждения, вакуум в центре праздника.

К ним подошел официант с подносом шампанского. Парень был бледен, его руки тряслись.

– Шампанское, Ваше Сиятельство? – пролепетал он.

Виктор протянул руку. Едва его пальцы коснулись ножки

бокала, как игристое вино внутри перестало пузыриться. Золотистая, искрящаяся жидкость мгновенно превратилась в мутную, выдохшуюся кислятину. Магия, придававшая вину вкус и легкость, исчезла. Виктор взял бокал, посмотрел на мертвый напиток и поставил обратно.

– Предпочитаю водку, – сказал он. – Без добавок.

Официант поклонился и исчез с такой скоростью, будто за ним гнались демоны.

– Вы портите людям праздник, – заметила Анна, беря бокал с другого подноса (в ее руках вино осталось живым).

– Я – Цензор. Моя работа – портить праздник тем, кто забыл, что он заканчивается.

Внезапно толпа расступилась еще шире, но на этот раз с почтением, граничащим с подобострастием. По залу, словно король, шел высокий мужчина. Герцог Александр Орлов. Фаворит Императора. Глава Гвардии. Сильнейший пиромант поколения.

Он был великолепен. Белый мундир с золотыми эполетами сидел на нем как влитой. Его рыжие волосы были уложены в идеальную волну, а борода подстрижена по последней моде. Но главным были его глаза – они светились внутренним янтарным огнем. Вокруг него воздух дрожал от жара, хотя в зале работали кондиционеры. Он шел к Виктору, улыбаясь широкой, ослепительной улыбкой хищника, который видит добычу.

– Князь Волков! – голос Орлова был теплым, бархатным,

обволакивающим. — Какая неожиданность! Вы — и в свете? Я думал, вы предпочитаете сырые подвалы и общество трупов.

Орлов остановился на границе «зоны пустоты». Он был достаточно силен, чтобы не терять лицо рядом с Виктором, но Виктор заметил, как герцог напрягся. Его огненная аура столкнулась с барьером Виктора, и между ними проскочила невидимая искра.

— Герцог, — Виктор коротко кивнул. — Трупы иногда бывают разговорчивее живых. Особенно если их убили подло.

Улыбка Орлова не дрогнула, но в глазах полыхнуло.

— Убили? По дворцу ходят слухи о... трагической неосторожности Великого Князя. Неужели вы ставите под сомнение официальную версию?

— Я ставлю под сомнение все, Александр Николаевич. Такова моя природа.

Орлов перевел взгляд на Анну. Его брови взлетели вверх.

— А это кто? Неужели ваша новая... ассистентка? Какая прелесть. Ростова, если не ошибаюсь? — он шагнул к ней, намереваясь поцеловать руку. — Я помню вашего отца. У него был дурной вкус в политике, но отменный — в женщинах.

Это был удар ниже пояса. Анна побледнела, ее пальцы сжались на ножке бокала так, что стекло жалобно хрустнуло.

— Мой отец был честным человеком, герцог, — холодно ответила она, не подавая руки. — Редкое качество в этих стенах.

Орлов рассмеялся.

— О, да у нее есть когти! Очаровательно. Виктор, где вы

ее откопали? На свалке истории?

Виктор сделал полшага вперед, закрывая Анну плечом.

– Я нашел ее там, где вы потеряли кое-что важное, герцог.

Он сунул руку в карман. Орлов напрягся, его пальцы дернулись к поясу, где (Виктор знал) висел скрытый артефакт. Охрана герцога, стоявшая в толпе, положила руки на эфесы шпаг. Но Виктор достал не оружие. Он вынул золотую пуговицу с гербом Орловых.

– Вы обронили, – спокойно сказал Виктор, подбрасывая пуговицу на ладони. – Вчера. В очень интересном месте.

В зале повисла тишина. Даже музыка, казалось, стала тише. Все взгляды были прикованы к маленькому кусочку золота. Орлов смотрел на пуговицу. Его лицо оставалось непроницаемым, но Виктор видел, как пульсирует жилка на его виске.

– Вот как? – медленно произнес герцог. – Благодарю, князь. Но вы ошиблись.

Орлов протянул руку, взял пуговицу. Он даже не взглянул на нее. Он просто сжал кулак. Вспышка. Пуговица в его руке расплавилась, превратившись в каплю жидкого золота, которая тут же испарилась, оставив лишь серый дымок.

– Видите ли, – Орлов разжал ладонь и стряхнул пепел на паркет. – Мои вещи не теряются. А если и теряются, то они... сгорают от тоски по хозяину. К тому же, это была дешевая подделка. Внутри был свинец. Вы ведь заметили, верно? Вы же у нас специалист по грязи.

– Заметил, – кивнул Виктор. – Как и то, что вы только что уничтожили улику.

– Улику чего? Потери пуговицы? – Орлов наклонился ближе, его шепот был как шипение раскаленного утюга. – Не играйте со мной, Волков. Вы здесь чужой. Ваша «пустота» вас не спасет. В этом зале достаточно силы, чтобы раздавить вас, даже не прибегая к магии. Просто массой.

– Попробуйте, – так же тихо ответил Виктор. – Но помните: когда вы начнете гореть, я буду единственным, кто сможет вас потушить.

– Я никогда не сгорю, – Орлов выпрямился, возвращая на лицо светскую улыбку. – Я и есть пламя.

В этот момент двери в дальнем конце зала распахнулись. Грохнули литавры. – Его Императорское Величество! – завопил герольд.

Зал рухнул в поклоне. Виктор остался стоять. Цензоры не кланяются. Они лишь склоняют голову. Орлов, воспользовавшись моментом, отступил, растворяясь в толпе придворных, как искра в костре.

– Он знает, что мы знаем, – прошептала Анна, приседая в реверансе рядом с Виктором.

– Он знает, что мы знаем, что это подстава, – поправил Виктор. – Он уничтожил пуговицу, чтобы показать: ему плевать на улики. Он играет в открытую.

Император вошел в зал. Это была высокая, величественная фигура в мантии из шкуры белого медведя. На голове

сияла корона, сотканная из чистого света. Но Виктор видел другое. Сквозь свет короны, сквозь слои иллюзий он видел сторбленного, больного старика. Его лицо под маской благодушия было изъедено «ржавчиной» так сильно, что напоминало лунный пейзаж. Левая рука Императора висела плетью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.